

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(2): 1041-1049
 DOI: 10.13187/bg.2022.2.1041

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

To the Question of "Germanophobia" in the Autobiographical Story of the Russian Officer V.V. Korsak during the First World War

Pavel V. Ulyanov ^{a, *}

^aAltai State University, Russian Federation

Abstract

In connection with the publication and reprinting of memoirs, diaries and letters of war veterans in modern times, the study of the topic of prisoners of war is becoming relevant. Being in captivity of a separate category of persons who voluntarily surrendered or forcibly taken is of scientific interest in the possibility of referring to the experience of human survival in an extreme situation. Appeal of researchers to the theme of the stay of individuals or groups of individuals in inhuman conditions pushes to ask new questions and get answers to them. During the First World War, prisoners of war were in special camps, kept in various conditions, watched life in the rear of the country, with the soldiers of which they fought at the front. An interesting fact is that the theme of captivity was present in the propaganda of that time. The presence of a connection between the content of propaganda information and the perception of a particular person of the reality surrounding him prompts us to turn to the question of the development of signs of "xenophobia". This article is devoted to the study of the issue of "xenophobia" in the writings of the Russian prisoner of war V.V. Korsak (real name – Zavadsky), in order to determine the degree of "Germanophobia" reflected in them. When studying the historiographic side of the issue, the author notes the reflection by researchers of the problem of the manifestation of signs of "xenophobia" in the relationship between soldiers who fought on opposite sides of the trenches. Although, perhaps, "xenophobia" was due not so much to something general as to a particular case that occurred in individual episodes. As a result of the study, attention should be paid to the ambiguity of this issue. The view of a particular person, in our case, V.V. Korsak, is aimed at revealing the reality that the person himself has visited. He was a direct eyewitness and observed various aspects of life, and the question of "Germanophobia" is connected with his views on the image of war.

Keywords: xenophobia, "Germanophobia", "image of the enemy", military history, Russian prisoners of war, V.V. Korsak, Russia in World War I, World War I.

1. Введение

В вопросе изучения исторического опыта деятельности человека во время вооруженного конфликта могут быть обозначены различные проблемы. Среди множества исторических сюжетов тема военного плена и интернирования занимает особое место. Связано это с тем, что в ней зачастую делается акцент на военнослужащих. Отдельно взятые лица, состоявшие на военной службе в конкретном подразделении, в период временного прекращения военных (боевых) действий оказывались на территории государства-противника. Взятые во время боя или самовольно сдавшиеся в плен солдаты попадали под категорию «военнопленные», после чего дальнейшим их местом пребывания был специально отведенный лагерь.

Если обращаться к конкретно-историческому опыту пребывания солдат любой страны на территории государства-противника, а также особенностям их выживания в специальном лагере и взаимоотношений с сослуживцами, конвойными и даже местным населением, то нередко ставится

* Corresponding author

E-mail addresses: imperialnext@mail.ru (P.V. Ulyanov)

вопрос о восприятии «другого» в период пребывания в плену. На фронте, когда две враждебные друг другу стороны занимают противоположные позиции и ведут боевые действия, образ уже сформирован благодаря заранее проведенной в тылу военной пропаганде. Пропагандистская информация, передаваемая через СМИ, выполняет функцию ориентира. В ней отражен «образ врага» и указан этот «враг». Посредством информации субъекта побудили к борьбе с «внешней угрозой», и теперь на психофизиологическом уровне его поведение настроено на проявление агрессии. Когда солдаты попадают в плен в случае захвата или сдачи в зависимости от ситуации, то для недопущения участия этих лиц в войне против государства их отправляют в специальные лагеря, где в глубоком тылу они пребывают до окончания войны. В этом случае, наряду с сохранением в человеческом сознании представлений о «враге», происходит взаимодействие с ним. Попавшие в плен солдаты сталкиваются с проявлением уважения или применением грубой силы, демонстрацией превосходства со стороны «врага».

Последняя тенденция зачастую свидетельствует о развитии в отношениях между военнопленными и теми, кто их взял в плен, признаков ксенофобии. С одной стороны, солдаты воспринимают пленников как «чужаков» и считают их «неприятными» и «опасными»; с другой – нетерпимость к «чужому», «незнакомому», «непривычному», «другому» свойственна и военнопленным, судьба которых зависит от царящей во вражеском государстве ситуации. И вот как раз вторая тенденция побуждает обратиться к изучению исторического опыта пребывания в плену, причем на примере конкретного человека.

Первую мировую войну можно назвать ярким конкретно-историческим примером проявления указанных выше тенденций. Во многих странах Европы были специально отведенные территории не только для военнопленных, но и гражданских лиц. В Российской империи также осуществляли интернирование военнопленных немцев, австро-венгров и турок, в том числе на территорию Сибири, что оказало существенное влияние на общественно-политическое развитие уже Советской России в годы Гражданской войны. Во время Первой мировой войны во всех странах-участницах конфликта шли задержания подозрительных лиц, переселение или иное ограничение прав и свобод, устанавливался контроль над жизнедеятельностью граждан другой страны или национальности, перевозились военнопленные с фронта в тыл.

В этом случае появляется возможность обратиться к вопросу восприятия солдатами Российской империи своего опыта пребывания в немецком плену. Особенность вопроса заключена в стремлении автора обратить внимание на проявление пленными российскими солдатами признаков ксенофобии в форме «германофобии» как конкретно-исторического явления, чтобы определить степень ее развития.

Таким образом, настоящая статья посвящена проблеме проявления признаков «ксенофобии» в восприятии российскими военнослужащими немецкого плена периода Первой мировой войны. В качестве примера взяты автобиографические повести российского писателя, бывшего военнопленным в немецком лагере, офицера В.В. Корсака. Автор, рассматривая образ страны в контексте анализа дихотомии «свой» – «чужой», прослеживает развитие представлений о «другом» («чужом») в условиях экстремальной ситуации.

2. Материалы и методы

Исследование проблемы, а именно выявление признаков «ксенофобии» («германофобии») и определение степени проявления, требует применения традиционного анализа исторических источников. В качестве материала, на основании которого рассматривается поставленная в статье проблема, взяты две автобиографические повести российского писателя, военного офицера в звании поручика В.В. Корсака (настоящая фамилия – Завадский). Интересно то, что Вениамин Валерианович Завадский (1884–1944) принимал участие в Первой мировой войне в рядах 171-го пехотного Кобринского полка. В своем первом рассказе «Плен» он описывает, как был ранен и попал в плен в ноябре 1914 года (Корсака, 2011). Пребывал он в Мюнденском лагере для военнопленных офицеров около трех лет, после чего его перевозили в другие лагеря, что описывается во второй повести «Забытые» (Корсака, 2011). Помимо того, что тексты наполнены описанием жизни тыла, взаимоотношений людей и личностными оценками происходивших событий, так это еще и воспоминание, которое написано после произошедших событий, что оказывает влияние на степень достоверности.

Однако не следует уповать на один источник. В качестве дополнения к анализируемой информации автор статьи стремится провести перекрестную проверку с трудами других военнопленных. Так, в работе упоминается рассказ захваченного в плен во время Лодзинского сражения (октябрь–ноябрь 1914 года) российского солдата, рядового Ю. Кирша, получившего в плену № 4925 (Кирш, 2014). Кроме того, представлен сборник рассказов «В немецком плену...» (В немецком плену..., 2015), который вышел как раз в 1915 году. Его авторы, среди которых присутствуют известные личности, например историк Н. Кареев, театральные режиссер К. Станиславский и другие, также считались «опасными» для немецкого общества в Германии, отчего авторы рассказов воспринимали все немецкое как «чужое» в качестве ответной реакции.

В дополнение следует обратиться к восприятию плена с другой стороны, то есть немецких солдат. В качестве примера взят дневник немецкого писателя Эдвина Э. Двингера, попавшего в плен в 1915 году в возрасте семнадцати лет (Двингер, 2004). В сибирском лагере для военнопленных юноша четыре года вел дневник. В нем отражены бытовые условия и повседневность немецких солдат в экстремальных условиях, а именно плена. Исторический источник, кстати, имеет высокую степень достоверности, так как видно по тексту, что автор фиксирует происходившие события и не оценивает их.

Общей особенностью представленных источников является то, что они относятся к материалам личного происхождения. Относящиеся к этой группе авторские произведения представляют собой личностный взгляд конкретного человека на произошедшие с ним события. Естественно, тексты наполнены субъективизмом и зачастую зависят от общественно-политических и идейных взглядов автора. Главным достоинством этих исторических источников является то, что очевидцы – это главные исторические деятели и активные субъекты действия. Еще необходимо отметить попытку фиксации наиболее значимых событий, имеющих место в трудах как Э. Двингера, так и В.В. Корсака.

В основе методологии исследования лежит принцип историзма, а вот наряду с методами традиционного анализа исторических источников и перекрестной проверки используется сравнительно-исторический метод. Все указанные способы познания позволят нам окунуться в те условия, в которых проживал субъект действия, в нашем случае В.В. Корсак, и попытаться выявить признаки «германофобии», параллельно обращаясь к работам других авторов, сравнивая и сопоставляя их взгляды, опыт участия в вооруженном конфликте и указанные ими события.

3. Обсуждение

В процессе анализа проблемы пребывания военнослужащих в плену и вопроса о восприятии ими «врага» в историографии можно обратить внимание на очень интересную двойственную тенденцию. С одной стороны, несмотря на множество различных подходов к изучению проблемы и авторских концепций, наблюдается традиция в изучении темы плена. Исследователи, опираясь на опыт историков-предшественников, ставят новые проблемы, оказывая влияние на ее актуализацию в современной науке благодаря обособлению от других аспектов. С другой стороны, авторы многочисленных трудов по истории Первой мировой войны не всегда прямо пишут по теме военнопленных, а предпочитают обращаться только в контексте общего вопроса. Такой подход не всегда предполагает выделение конкретной проблемы. Зачастую исследователи стараются рассмотреть отдельно взятые вопросы в совокупности, чтобы выявить особенности общей проблемы.

Последняя тенденция развивается в зарубежной историографии. Среди европейских и американских ученых-историков можно выделить труды Дж. Винтера (Winter, 1995), М. Гилберта (Gilbert, 1994), Дж. Дэвиса, (Davis, 1983), Ф. Нахтигаль (Nachtigal, 2014), Н. Фергюсона (Ferguson, 1999) и Х. Хервига (Herwig, 1997). В работах проблема плена не изучается как отдельный вопрос, но в них отражены различные аспекты, связанные с периодом Первой мировой войны. Тема плена раскрывается только как отдельный аспект. И все же есть исключения. Так, фрайбургский историк Р. Нахтигаль обращается напрямую к проблеме, ставя ее в центр сюжета, и пытается рассмотреть положение военнопленных в рамках системного анализа. Если обратиться к поиску такого аспекта, как пребывание российских солдат в немецком плену, то найти целостное, системное и многоплановое исследование очень сложно.

В российской историографии присутствует первая тенденция. Проблема плена была обозначена и получила свое развитие в межвоенное время, в период становления советской историографии. В 1920-х годах впервые заговорили в научном ключе об опыте пребывания российских солдат в плену во время Первой мировой войны. В это время вышел в свет коллективный труд советских ученых Н.М. Жданова, А.А. Свечина, В.Н. Клембовского, Д.П. Парского, Я.К. Циховича, Д.К. Лебедева, В.Э. Грабаря о русских военнопленных (Русские военнопленные..., 1921). Можно сказать, что зародилась традиция в изучении нахождения человека в экстремальных условиях. Однако, несмотря на дальнейшие попытки обращаться к проблеме плена, тема не получила своего развития, да и тема Первой мировой войны рассматривалась лишь в рамках материалистической диалектики.

В современной российской историографии проблема рассматривается с различных сторон и в рамках междисциплинарного подхода, что делает ее многополярной и плюралистичной. В качестве примера можно привести труды российских историков И.Б. Беловой (Белова, 2014), О.А. Денисовой (Денисова, 2015), Р.В. Ильязовой (Ильязова, 2013), Н.П. Истоминой (Истомина, 2013), И.В. Климака (Климак, 2015), Е.С. Сенявской (Сенявская, 2013), О.С. Поршневой (Поршнева, 2004), А.В. Олейниковой (Олейникова, 2020), И.В. Нарского (Нарский, 2007), О.С. Нагорной (Нагорная, 2007), А.Н. Кудрявцева, А.В. Соколова (Кудрявцев, Соколов, 2014, 2016). В работах ставятся различные вопросы: от особенностей пребывания российских, немецких и других солдат во вражеском плену до проблемы личностного восприятия «атмосферы плена». В процессе анализа опыта пребывания российских солдат в немецком плену исследователи обращаются к различным аспектам. Проблема восприятия военнопленными «врага» во многом связана с проявлением

«ксенофобии» в форме унижения военнопленных со стороны немецких солдат и мирных жителей Германии в невыносимых условиях пребывания в лагерях. Все эти тенденции, по мнению исследователей, зачастую оказывали влияние на настроение военнопленных, особенно в контексте восприятия «врага».

4. Результаты

Для того чтобы сформировать целостное представление о проблеме, необходимо выделить три основных сюжета: фронтовые будни, взятие в плен, пребывание в плену. Перед началом следует обратить внимание на влияние массовой пропаганды, проводившейся в тылу в начале войны. В средствах массовых коммуникаций, в частности листовках и манифестах, шел призыв россиян на борьбу с «внешней угрозой». В связи с этим в агитационных материалах немцы воспринимались «внешней враждебной силой» и автор был подвержен воздействию массовой антигерманской и антинемецкой пропаганды.

И вот первый выделенный сюжет, который описан у В.В. Корсака в автобиографической повести «Плен», посвящен обстановке на фронте. Автор пишет, как его 43-я пехотная дивизия была переведена на Варшавский фронт и он был назначен дежурным офицером, задачей которого была следить за людьми, подозреваемыми в шпионаже в пользу Германии, причем некоторые лица выдавались доносчиками, так как были «колонистами-немцами» (Корсак, 2011: 5-7). Влияние на массовое сознание отраженной в прокламациях агитационной информации и недоверие к лицам немецкой национальности было очень сильное, особенно в 1914–1915 годы. В это же время В.В. Корсак попал в плен.

Вопрос о взятии немцами в плен поручика В.В. Корсака специфичен по своему характеру. Автор в повести «Плен» пишет, что во время кипящего боя был взят в плен только потому, что «запнулся о пулеметную ленту и упал», после чего его схватили немецкие солдаты и обезоружили (Корсак, 2011: 16). Далее поручик описывает свой опыт пребывания в «принудительных немецких лапах» (Корсак, 2011: 17), отмечая параллельно то, как солдаты Германии принялись заниматься мародерством, обворовывать российских солдат, срывать погоны, осматривать кошельки и присваивать ценные вещи и походные предметы (Корсак, 2011: 16, 18, 29). В то же время поручик царской армии описывает в повести амбивалентную ситуацию. С одной стороны, немцы-конвоиры угощали сигаретами, «награждали» хлебом за «ношение» походного ранца, а немецкие офицеры формально давали слово наказать мародеров, наблюдая «обмен сапогами» (Корсак, 2011; 20-21, 34, 31). С другой стороны, они проявляли «звериную жестокость»: солдаты без причины били прикладами, расстреливали отставших пленных, добивали раненых или просто убивали, при этом не кормили ни разу и постоянно подгоняли, заставляя голодных и измученных бойцов преодолевать усталость (Корсак, 2011: 21, 24-25, 32, 36). Упоминается в повести рассказ сослуживца о заколотом солдате России, жестом просившем у немца хлеба (Корсак, 2011; 26). В процессе таких взаимоотношений у военнопленных выработался рефлекс: солдаты России понимали, какие последствия могли быть за нарушение дисциплины.

Похожие сюжеты об отношении немецких солдат к пленным россиянам присутствуют в рассказе рядового 87-го пехотного Нейшлотского полка Юлия Кирша. Автор делает акцент на описании «военной атмосферы» и раскрытии причин войны и хода операции. При обращении к сюжету своего пленения во время наступления немецкой армии он отмечает в немцах нежелание помогать раненым российским солдатам, безразличное к ним отношение, желание «обменяться сапогами» с «врагом», мародерство и воровство, применение грубых и насильственных действий, использование пленных в качестве «живого щита», обращение с людьми, как со скотом (Кирш, 2014: 31-33, 34-35, 41). При этом Ю. Кирш, как и В.В. Корсак, показывает амбивалентную ситуацию: доброжелательное отношение немцев к пленным, разрешавших печь картошку, и жестоких конвоиров (Кирш, 2014: 40-41, 41-42).

Если обратиться к проблеме восприятия плена со стороны немцев, то следует упомянуть дневник немецкого солдата Э. Двингера. Его автор, семнадцатилетний командир кавалерийского взвода, был контужен, в результате чего был пленен казаками. Будучи раненым, он почувствовал, что его обыскали, забрав все самые ценные вещи и походные предметы. После ему оказали помощь казаки, военврач и сестра милосердия. В то же время автор отмечал, как некоторые российские санитары издевались над попавшими в плен его сослуживцами, среди которых было много раненых (Двингер, 2004: 7-9, 11, 20, 27, 36).

Сюжет пребывания в немецком плену поручика В.В. Корсака отражен в двух написанных им повестях, на основании которых можно попытаться определить степень отражения в них ксенофобии («германофобии»). Так, в повести «Плен» российский офицер описывает период пребывания в Мюнденском лагере для военнопленных на территории Ганновера. Прежде всего он отмечает постоянное упоминание фразы «русские свиньи» из уст конвоиров, желание немецкого населения отобрать что-нибудь ценное у военнопленных, агрессивное и пренебрежительное отношение со стороны немцев (Корсак, 2011: 39-41, 44). Вопрос отношения немецкого населения к военнопленным требует пояснения. Поскольку выбранный очевидец попал в плен в ноябре 1914 года, то данный акт

пришелся на тот период, когда массовая антироссийская пропаганда в Германии достигла своего апогея. Так, ученый-историк Н. Кареев, публицист С. Щепотьев, доктор И. Гольдштейн и артист М.Н. Каракаша упоминают, что накануне военного конфликта в Германии шла антироссийская и даже антирусская пропаганда, в связи с чем россияне подвергались арестам за шпионаж в пользу России, преследованиям, нападкам со стороны жителей Германии, а также упоминается применение высшей меры наказания – расстрел ([В немецком плену..., 2015: 14, 27-28, 36-37, 38-39, 54-55](#)). Кроме того, в рассказах некоего Алексея (авторство не установлено) и А.А. Лопухиной указываются российские военнопленные, которыми фактически были российские студенты, учившиеся за границей, туристы, путешественники. Из-за начала войны их принудительно заставили работать, причем в СМИ указывалась информация, что эти военнопленные были дезертирами и комбатантами, захваченными в пограничных боях ([В немецком плену..., 2015: 52-53, 58-59](#)).

Если обратиться к вопросу о восприятии пленными своих конвоиров в «атмосфере плена», то в повести В.В. Корсака описывается амбивалентная ситуация. С одной стороны, комендант лагеря (лейтенант Вальтер) и конвойные (гауптман Абт и прозванный «Фрицем» фельдфебель) показаны обычными людьми. Первый описан строгим и дисциплинированным, особенно в борьбе с курением. Еще он разрешал выписывать книги для чтения, в том числе запрещенные в России ([Корсак, 2011: 53, 64-66, 76](#)). Вторые проводили обыски, допрашивали пленных и проверяли при помощи переклички, не сбежал ли кто, и даже письма разносили ([Корсак, 2011: 50-51, 67, 83](#)). А побег были, за который сотрудники лагеря наказывали, причем сурово: заставляли пленных всю ночь стоять лицом к стене и били, если те шевелились ([Корсак, 2011: 90-94](#)). Беглецов судили военным судом и за порчу казенного имущества приписывали статью (полковник царской армии Аносов пробил стену при попытке побега) ([Корсак, 2011: 94](#)). При всем этом сложно увидеть какие-либо признаки «германофобии». С одной стороны, даже приезд в лагерь сестры милосердия Н.И. Оржевской по взаимному соглашению между Германией и Россией показывает, что немцы были не против ее приезда ([Корсак, 2011: 120-121](#)). С другой – автор отмечает в плену отрицательные моменты, но о них он слышит от сослуживцев, выражавших жалобы на плохое обращение. Хотя поручик, отмечая свое «брезгливое» поначалу отношение к немецким солдатам, показывает неоднозначную ситуацию ([Корсак, 2011: 54, 120-121, 51, 67](#)).

Подобные моменты описаны и Ю. Киршем в своих воспоминаниях. Вот только они сильно отличаются. Возможно, здесь необходимо учитывать факт пребывания в лагере для военнопленных солдат, в то время как В.В. Корсак был в лагере, предназначенном для офицеров. Показательным примером жестокости можно назвать описанные Ю. Киршем «зверства» в деятельности фельдфебеля 7-го батальона Тимме. Именно этот военный немецкий комендант применял муштру к своим солдатам и военнопленным, обращался с людьми, как со скотом, под видом любви к «нравственным устоям» за их нарушение избивал, муштровал «своих» и «чужих», натравливал собак на пленных, в то же время заставляя их дразнить животных ([Кирш, 2014: 59, 60-61, 62-63](#)). Подобные акты агрессии показывают другую сторону быта российских военнопленных, в результате чего у них на подсознательном уровне вырабатывался рефлекс. Пленные солдаты Российской империи инстинктивно пытались выжить в экстремальных условиях и не попасть под «горячую лапу» коменданта.

Переходя к вопросу развития представлений о жизни в плену, в повести «Забытые» В.В. Корсака наблюдаем некую эволюцию представлений. Связано это с тем, что, согласно тексту повести, автор вместе с пленными был перевезен в Галле, то есть другой лагерь для военнопленных офицеров. Он отмечает, что немцы проинформировали пленных о ситуации в лагере и успокоили в плане отсутствия репрессий, которые применяли к французским офицерам в августе 1916 года. Так и получилось, что в лагере не было той атмосферы, что была описана российским офицером в повести «Плен», хотя пленные боялись репрессий со стороны немцев ([Корсак, 2011: 229, 234, 238, 239](#)). Подобные настроения формировались из-за рассказов сослуживцев и ухудшения условий в новом месте пребывания ([Корсак, 2011: 239-240, 243-244](#)). В остальном автора уже мало волновали события в плену. Его взгляд был сосредоточен на событиях в России: он описывал то, как «...исчезло ...утешение – надежда на победу над немцами и справедливое наказание их за тысячи сознательно погубленных в Германии русских жизней» ([Корсак, 2011: 261](#)). Автор сохранил представление о немецких солдатах как о «врагах», вот только из текста повести исчезло представление о «внешнем враге» – теперь появился образ нового «врага», то есть «врага внутреннего».

По тому же вопросу Ю. Кирш отмечает другую сторону. В этом плане он больше сконцентрирован на процессе выживания в солдатском лагере для военнопленных. Он пишет о том, что солдатам-военнопленным приходилось работать за остатки солдатского супа, причем совместно либо вместо немецких рабочих, причем рабочие Германии не проявляли антирусских настроений ([Кирш, 2014: 57, 67](#)). Жестокость проявляли высшее командование лагеря и надсмотрщики на предприятиях ([Кирш, 2014: 59, 67-68](#)). В качестве примера уже был приведен фельдфебель Тимме. За попытку провести забастовку во время работы следовали суровые наказания ([Кирш, 2014: 71-73](#)). Последнее, что можно отметить в воспоминаниях Ю. Кирша, так это акцентирование внимания на внутренней жизни Германии и ее влиянии на обстановку, в которой проживали военнопленные.

Конечно, условия, как пишет автор, были оптимальные по своему характеру, например, в лагере функционировала библиотека и не одна, и можно было поначалу читать любые книги, а вот уже после ареста К. Либкнехта вводилась цензура (Кирш, 2014: 75-76, 87-89). Совпадение авторских взглядов с В.В. Корсаком у Ю. Кирша только в одном: упоминаются готовящиеся репрессии (послать на фронт рыть окопы) против французских военнопленных и чтение газет, особенно немецкой газеты «Русский вестник» (Кирш, 2014: 89-90).

В похожих условиях оказался и немецкий солдат Э. Двингер. Он в своем дневнике, описав долгое и трудное путешествие в Восточную Сибирь, отмечал тяжелые условия, трудовые будни сотрудников лагеря, проживание вместе с каторжниками, жесткое обращение с военнопленными и неоднозначную реакцию со стороны россиян (Двингер, 2004: 93-95, 96-97, 168-169, 190-191, 196, 203). Автор, кстати, пишет, как некто Мышонок распорядился выпороть нагайкой австрийца за кражу куска мяса, что свидетельствует о том, что в лагере за преступление также следовало наказание (Двингер, 2004: 111-112).

5. Заключение

Рассмотрев на конкретном примере вопрос о развитии «ксенофобии» в автобиографических повестях поручика В.В. Корсака, можно подвести итоги, определив степень отраженной в повестях «германофобии». Следует учитывать специфику исторического источника и факт пребывания очевидца в лагере для военнопленных офицеров. Отраженные в них сюжеты в одних моментах совпадают, а в других – расходятся с описываемыми событиями других очевидцев, попавших во время войны в плен. В целом автобиографические повести российского офицера показывают не только быт и условия плена, но и переживания автором экстремальной ситуации.

Исходя из этого, можно поставить вопрос о проявлении признаков ксенофобии в форме «германофобии». Конечно, в начале текста их можно обнаружить, сравнить с похожей ситуацией, отраженной в других источниках, и сделать вывод, что на отношения очень сильно оказала влияние массовая пропаганда. Немецкие солдаты воспринимались «врагом», из-за чего конвоиры для российских солдат представляли «опасность» как угроза жизнедеятельности. Случаи проявления немцами по отношению к военнопленным жестокости, «брезгливости» россиян к «врагу» и демонстрации неприязни со стороны жителей Германии к россиянам, страха солдат России перед начальником лагеря и конвоем немецких солдат свидетельствуют о проявлении опасения перед «врагом», каким бы он ни казался очевидцу и его сослуживцам.

Констатировать высокую степень «германофобии» в повестях поручика В.В. Корсака не следует. Скорее всего, случаи проявления жестокости «врагом» связаны с исторической действительностью и влиянием «военной атмосферы». Авторский текст отражает не зверства, проявляемые немецкими солдатами, а повседневность, в частности быт и условия пребывания в немецком плену. При этом сам автор, обращая внимание на различные аспекты бытия, людей, условия, взаимоотношения между пленными и сотрудниками лагеря, пытается описать свой собственный «фронтный опыт» во время Первой мировой войны.

Литература

Белова, 2014 – Белова И.Б. Возвращение русских военнопленных Первой мировой войны в Советскую Россию историографический аспект // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. 2014. № 4. С. 72-77.

В немецком плену..., 2015 – В немецком плену: рассказы проф. Н. Кареева, К. Станиславского, А. Дживелегова, проф. И.М. Гольдштейна, Н. Сперанского, К. Мазинга, бывшего посла в Берлине С.Н. Свербеева, президента г. Калиша г-на Буковинского и мн. др. М., 2015. 208 с.

Двингер, 2004 – Двингер Э. Армия за колючей проволокой. Дневник немецкого военнопленного в России 1915–1918 гг. / Пер. с нем. Е.Н. Захарова. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. 350 с.

Денисова, 2015 – Денисова О.А. «Забывтое» фольклорное наследие в звуковых архивах Берлина // *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. 2015. № 6(68). С. 248-252.

Ильязова, 2013 – Ильязова Р.В. Условия содержания австро-венгерских и германских военнопленных в концентрационных лагерях России и русских военнопленных в Германии во время Первой мировой войны по документам архивов Ульяновской области // *Симбирский научный вестник*. 2013. № 1(11). С. 30-34.

Истомина, 2013 – Истомина Н.П. Положение военнопленных во время Первой мировой войны // *ProNunc: современные политические процессы* № 12. Тема номера: Война как продолжение политики (к 100-летию начала Первой мировой войны) / Отв. ред. Д.Г. Сельцер. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2013. С. 73-77.

Кирш, 2014 – Кирш Ю.И. Под сапогом Вильгельма II. Из записок рядового военнопленного № 4925. 1914–1918. М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2014. 160 с.

- Климак, 2015** – Климак И.В. Русские военнопленные в годы Первой мировой войны и политика русского правительства // *Вестник магистратуры*. 2015. № 10(49). С. 40-42.
- Корсак, 2011** – Корсак В.В. Забытые // *Забытая война*. М.: Посев, 2011. С. 227-332.
- Корсак, 2011** – Корсак В.В. Плен // *Забытая война*. М.: Посев, 2011. С. 5-226.
- Кудрявцев, Соколов, 2014, 2016** – Кудрявцев А.Н., Соколов А.В. В окопах и в плену солдатский дневник времен Первой мировой войны // «Запад–Восток». Научно-практический ежегодник. 2014. № 7. С. 136-152; 2016. № 9. С. 163-180.
- Нагорная, 2007** – Нагорная О.С. Русские военнопленные в Первой мировой и Гражданской войнах: другой военный опыт // *Опыт мировых войн в истории России*. Челябинск: Каменный пояс, 2007. С. 534-552.
- Нарский, 2007** – Нарский И.В. «Я как стал средь войны жить, так и стала мне война, что дом родной...». Фронтовой опыт русских солдат в «германской» войне до 1917 г. // *Опыт мировых войн в истории России*. Челябинск: Каменный пояс, 2007. С. 488-502.
- Олейникова, 2020** – Олейникова А.В. Военнопленные на Русском фронте Первой мировой войны // *Военно-исторический журнал*. 2020. № 9. С. 56-59.
- Поршнева, 2004** – Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. 368 с.
- Русские военнопленные..., 1921** – Русские военнопленные в Мировой войне 1914–1918 гг. Ч. I, II и III / Сост. Н.М. Жданов, под ред. А.А. Свечина, В.Н. Клембовского, Д.П. Парского, Я.К. Циховича, Д.К. Лебедева, В.Э. Грабаря. М., 1921. 376 с.
- Сенявская, 2013** – Сенявская Е.С. Положение русских военнопленных в годы Первой мировой войны очерк повседневной реальности // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России»*. 2013. Вып. 1. С. 64-83.
- Davis, 1983** – Davis G.H. The Life of Prisoners of War in Russia, 1914–1921, in Samuel Williams and Peter Pastor (eds) *Essays on World War I: Origins and Prisoners of War*, New York, 1983, pp. 162–196.
- Ferguson, 1999** – Ferguson N. The Pity of War: Explaining World War I. New York, 1999. 563 p.
- Gilbert, 1994** – Gilbert M. The First World War; A Complete History. New York, 1994. 615 p.
- Herwig, 1997** – Herwig H.H. The First World War: Germany and Austria-Hungary 1914–1918. London, 1997. 490 p.
- Nachtigal, 2014** – Nachtigal R. Prisoners of War in Russia during World War I. *Quaestio Rossica*. 2014. № 1. P. 142-156. DOI: <https://doi.org/10.15826/qr.2014.1>
- Winter, 1995** – Winter J. Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History, Cambridge, 1995. 320 p.

References

- Belova, 2014** – Belova, I.B. (2014) *Vozvrashcheniye russkikh voyennoplennykh Pervoy mirovoy voyny v Sovetskuyu Rossiyu istoriograficheskiy aspekt* [The return of Russian prisoners of war of the First World War to Soviet Russia historiographical aspect]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. 4: 72-77. [in Russian]
- Davis, 1983** – Davis, G.H. (1983). The Life of Prisoners of War in Russia, 1914–1921, in Samuel Williams and Peter Pastor (eds). *Essays on World War I: Origins and Prisoners of War*, New York, 1983, pp. 162-196.
- Denisova, 2015** – Denisova, O.A. (2015). «Zabytoye» fol'klornoye naslediyе v zvukovykh arkhivakh Berlina ["Forgotten" folklore heritage in the sound archives of Berlin]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 6(68): 248-252. [in Russian]
- Dvinger, 2004** – Dvinger, E. (2004). *Armiya za kolyuchey provolokoy*. Dnevnik nemetskogo voyennoplennogo v Rossii 1915-1918 gg. [Army behind barbed wire. Diary of a German prisoner of war in Russia 1915-1918]. Per. s nem. Ye.N. Zakharova. M., 350 p. [in Russian]
- Ferguson, 1999** – Ferguson, N. (1999). The Pity of War: Explaining World War I. New York, 563 p.
- Gilbert, 1994** – Gilbert, M. (1994). The First World War; A Complete History. New York, 615 p.
- Herwig, 1997** – Herwig, H.H. (1997). The First World War: Germany and Austria-Hungary 1914–1918. London, 490 p.
- Ilyazova, 2013** – Ilyazova, R.V. (2013). *Usloviya sodержaniya avstro-vengerskikh i germanskikh voyennoplennykh v kontsentratsionnykh lageryakh Rossii i russkikh voyennoplennykh v Germanii vo vremya Pervoy mirovoy voyny po dokumentam arkhivov Ul'yanovskoy oblasti* [Conditions of detention of Austro-Hungarian and German prisoners of war in the concentration camps of Russia and Russian prisoners of war in Germany during the First World War according to documents from the archives of the Ulyanovsk region]. *Simbirskiy nauchnyy vestnik*. 1(11): 30-34. [in Russian]
- Istomina, 2013** – Istomina, N.P. (2013). *Polozheniye voyennoplennykh vo vremya Pervoy mirovoy voyny* [The position of prisoners of war during the First World War]. *Pro Nunc: sovremennyye politicheskiye protsessy* № 12. Tema nomera: Voyna kak prodolzheniye politiki (k 100-letiyu nachala Pervoy mirovoy voyny). Otv. red. D.G. Sel'tser. Tambov, pp. 73-77. [in Russian]

[Kirsh, 2014](#) – *Kirsh, Yu.I.* (2014). Pod sapogom Vil'gel'ma II. Iz zapisok ryadovogo voyennoplennogo № 4925. 1914–1918 [Under the boot of Wilhelm II. From the notes of an ordinary prisoner of war No. 4925. 1914–1918]. M., 160 p. [in Russian]

[Klimak, 2015](#) – *Klimak, I.V.* (2015). Russkiye voyennoplennyye v gody Pervoy mirovoy voyny i politika russkogo pravitel'stva [Russian prisoners of war during the First World War and the policy of the Russian government]. *Vestnik magistratury*. 10(49): 40–42. [in Russian]

[Korsak, 2011](#) – *Korsak, V.V.* (2011). Plen [Captivity]. *Forgotten War*. M., pp. 5–226. [in Russian]

[Korsak, 2011](#) – *Korsak, V.V.* (2011). Zabytyye [Forgotten]. *Forgotten War*. M., pp. 227–332. [in Russian]

[Kudryavtsev, Sokolov, 2014, 2016](#) – *Kudryavtsev, A.N., Sokolov, A.V.* (2014, 2016). V okopakh i plenu soldatskiy dnevnik vremen Pervoy mirovoy voyny [In the trenches and in captivity, a soldier's diary of the First World War]. «Zapad-Vostok». *Nauchno-prakticheskiy ezhegodnik*. 7. pp. 136–152; 9. pp. 163–180. [in Russian]

[Nachtigal, 2014](#) – *Nachtigal, R.* (2014). Prisoners of War in Russia during World War I. *Quaestio Rossica*. 1: 142–156. DOI: <https://doi.org/10.15826qr.2014.1>

[Nagornaya, 2007](#) – *Nagornaya, O.S.* (2007) Russkiye voyennoplennyye v Pervoy mirovoy i Grazhdanskoy voynakh: drugoy voyennyi opyt [Russian prisoners of war in the First World War and the Civil War: a different military experience]. *Opyt mirovykh voyn v istorii Rossii*. Chelyabinsk, pp. 534–552. [in Russian]

[Narskii, 2007](#) – *Narskiy, I.V.* (2007) "Ya kak stal sred' voyny zhit', tak I stala mne voyna, chto dom rodnoy..." Frontovoy opyt russkikh soldat v "germanskoy" voyne do 1917 g. [As I began to live in the midst of the war, so the war became to me like a home...]. *Front-line experience of Russian soldiers in the "German" war until 1917*. *Opyt mirovykh voyn v istorii Rossii*. Chelyabinsk, pp. 488–502. [in Russian]

[Oleinikova, 2020](#) – *Oleynikova, A.V.* (2020) Voyennoplennyye na Russkom fronte Pervoy mirovoy voyny [Prisoners of war on the Russian front of the First World War]. *Voyenno-istoricheskiy zhurnal*. 9: 56–59. [in Russian]

[Porshneva, 2004](#) – *Porshneva, O.S.* (2004) Krest'yane, rabochiye i soldaty Rossii nakanune i v gody Pervoy mirovoy voyny [Peasants, workers and soldiers of Russia on the eve and during the First World War]. M., 368 p. [in Russian]

[Russkie voennoplennyye..., 1921](#) – Russkiye voyennoplennyye v Mirovoy voyne 1914–1918 g.g. Ch. I, II i III [Russian prisoners of war in World War 1914–1918.: Part 1, 2 and 3]. Sost. N.M. Zhdanov, pod red. A.A. Svechina, V.N. Klembovskogo, D.P. Parskogo, YA.K. Tsikhovicha, D.K. Lebedeva, V.E. Grabarya. M., 1921. 376 p.

[Senyavskaya, 2013](#) – *Senyavskaya, Ye.S.* (2013) Polozheniye russkikh voyennoplennykh v gody Pervoy mirovoy voyny ocherk povsednevnoy real'nosti [The situation of Russian prisoners of war during the First World War, an essay on everyday reality]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*. 1: 64–83. [in Russian]

[V nemetskom plenu..., 2015](#) – V nemetskom plenu: rasskazy prof. N. Kareyeva, K. Stanislavskogo, A. Dzhivelegova, prof. I.M. Gol'dshteyna, N. Speranskogo, K. Mazinga, byvshego posla v Berline S.N. Sverbeyeva, prezidenta g. Kalisha g-na Bukovinskogo i mn. dr. [In German Captivity: Stories by Prof. N. Kareev, K. Stanislavsky, A. Dzhivelegov, prof. I.M. Goldstein, N. Speransky, K. Mazing, former ambassador to Berlin S.N. Sverbeev, the President of the city of Kalisz, Mr. Bukovinsky, and many others]. M., 2015. 208 p. [in Russian]

[Winter, 1995](#) – *Winter, J.* (1995). Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History, Cambridge, 320 p.

К вопросу о «германофобии» в автобиографической повести российского офицера В.В. Корсака периода Первой мировой войны

Павел Владимирович Ульянов ^{а, *}

^а Алтайский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В связи с публикацией и переизданием в современности воспоминаний, дневников и писем участников войны изучение темы военнопленных приобретает актуальность. Пребывание в плену отдельной категории лиц, добровольно сдавшихся или насильственно взятых, представляет научный интерес в возможности обратиться к опыту выживания человека в экстремальной ситуации. Обращение исследователей к теме пребывания отдельных индивидов или группы лиц в нечеловеческих условиях подталкивает задавать новые вопросы и получать на них

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: imperialnext@mail.ru (П.В. Ульянов)

ответы. Во время Первой мировой войны военнопленные находились в специальных лагерях, содержались в различных условиях, наблюдали за жизнью в тылу страны, с солдатами которой воевали на фронте. Интересен тот факт, что в пропаганде того времени присутствовала тема плена. Наличие связи между содержанием агитационной информации и восприятием конкретным человеком окружающей его действительности побуждает обратиться к вопросу о развитии признаков «ксенофобии». Настоящая статья посвящена изучению вопроса «ксенофобии» в трудах российского военнопленного В.В. Корсака (настоящая фамилия – Завадский), чтобы определить степень отраженной в них «германофобии». При изучении историографической стороны вопроса автор отмечает отражение исследователями проблемы проявления признаков «ксенофобии» во взаимоотношениях между солдатами, сражавшимися по разные стороны окопов. Хотя, возможно, «ксенофобия» была обусловлена не столько чем-то общим, сколько частным случаем, встречавшимся в отдельных эпизодах. В результате исследования следует обратить внимание на неоднозначность данного вопроса. Взгляд конкретного человека, в нашем случае В.В. Корсака, направлен на раскрытие той действительности, в которой побывал сам человек. Он был непосредственным очевидцем и наблюдал за различными сторонами жизни, а вопрос о «германофобии» связан с его взглядами на образ войны.

Ключевые слова: ксенофобия, «германофобия», «образ врага», военная история, российские военнопленные, В.В. Корсак, Россия в Первой мировой войне, Первая мировая война.